

Наука: враг или друг веры? протоиерей Михаил Дронов

Иногда кажется, что о науке и религии христианскими апологетами написано столько, что эту тему можно уже считать закрытой. По крайней мере, в русском богословии в течение всего XX в. не было более животрепещущей и острой темы, чем эта. Но нет, время от времени со стороны учёных-атеистов опять раздаются голоса о непримиримой вражде науки и веры. Так, например, в июле 2007 г. десять российских академиков, среди которых нобелевские лауреаты Жорес Алферов и Виталий Гинзбург, обратились с открытым письмом к президенту Владимиру Путину с просьбой остановить “клерикализацию” российского общества. До боли знакомы аргументы академиков-атеистов против религии. Комментируя это письмо для радио “Свобода”, 90-летний академик Гинзбург, в частности, заявил о несовместимости религиозного и научного мировоззрений. Будто никогда и не раздавался голос христианской апологетики, уже триста лет повторяющий одно и то же: области религиозной веры и научных исследований находятся в разных сферах духовно-интеллектуальной деятельности человека. Они никак не конкурируют между собой и нет причин им вытеснять друг друга.

Что противостоит вере и что противостоит науке?

Религиозная вера несовместима вовсе не с научной методологией, но с убеждением, отвергающим бытие Бога или, если иметь в виду различия в понимании Бога, то с какой-либо другой религией. Когда академик Виталий Лазаревич Гинзбург, комментируя для радио “Свобода” “письмо десяти академиков”, описывал научное мировоззрение, то он по сути дела говорил о науке как о специфическом методе познания природы. Из его слов совершенно непонятно, почему научный метод должен быть несовместим с убеждением, что мир со всеми законами природы возник не сам собой, а по воле Высшего надмирного Существа – Бога.

“Существуют два мировоззрения, – объяснил свою позицию академик, – научное, или естественно-научное, и религиозное. Что такое естественно-научное мировоззрение? – продолжал он. – Это человек изучает природу, природные явления, ставит опыты, получает какой-то ответ, выдвигает какие-то гипотезы, потом их проверяет и так движется вперед, так движется наука. Движение это просто потрясающее. Успехи науки, я думаю, всякому интеллигентному человеку, по крайней мере, достаточно известны. Это научное мировоззрение...”¹.

С тем, как науку понимает академик Гинзбург, согласятся не только учёные-атеисты, но также миллионы верующих учёных и просто образованных людей. Религиозные убеждения не мешают им в познании материального мира использовать этот научный метод, а научный метод не мешает их религиозной вере. Пообещав прояснить, что же такое “научное мировоззрение”, уважаемый академик вместо него подsunул банальное описание основного инструмента, которым пользуется эмпирическая наука начиная с XVII века. С прописными истинами не поспоришь, но при чём тут мировоззрение?

Когда же лауреат Нобелевской премии действительно обращается к мировоззрению, то в его внимание попадают лишь религиозные, но никак не атеистические убеждения. Собственно, он сходу, без либеральных расшаркиваний отвергает возможность бытия Бога, как будто научный метод даёт ему для этого основания: “Что такое религиозное <мировоззрение>? Тысячу лет назад, когда никакой науки не было, люди, естественно, выдумывали всякие сказки о том, что есть Бог, что он управляет и прочее, прочее. Это нашло яркое выражение в Библии”².

Следует ещё раз подчеркнуть, что противоположностью религиозного мировоззрения может быть только другое мировоззрение – то есть

убеждения с противоположным знаком. Научный метод тут ни при чём. Ему самому противоположным в свою очередь может быть только какой-то другой метод познания, например познавательный алгоритм мифотворчества. Согласно законам логики, убеждению, что Бог есть, противоположным может быть либо убеждение, что Бога нет, либо, что есть некий *Анти-бог*. Утверждение же, что научный метод противоположен религиозному мировоззрению, равносильно логическому абсурду вроде того, что холод противоположен высоте.

Так что на деле, говоря о мировоззрении, нобелевский лауреат ограничивается лишь религиозным мировоззрением и совсем не касается атеистического. Свой атеизм он даже не считает убеждением, а принимает за абсолютную норму, от которой надо вести отсчёт. Но всё же, если внимательней отнестись к тому, *как* он говорит о вере в Бога, то легко обнаружить, что уже в самом своём презрении к религии он тут же *de facto* демонстрирует собственное, антирелигиозное мировоззрение, хотя о нём умалчивает, спрятав его позади научного метода познания мира.

В целом весь его “месседж” рассчитан на эмоциональное восприятие. Антирелигиозное мировоззрение, обозначенное эмоционально, у слушателей где-то поверх анализа должно отождествиться с научным методом, с которым не поспоришь, но который на деле имеет абсолютно одинаковое отношение к любому мировоззрению или же в равной степени ни к одному из них прямого отношения не имеет.

Где кончается наука и начинается идеология прогресса?

Итак, мировоззрение, несовместимое с религией, академик Гинзбург выражает лишь эмоционально, словесно же он описывает не его, а общую схему научного исследования, которая одинакова при любом мировоззрении. И всё же в описании, которое академик предлагает научному методу (также очень эмоциональном), можно явственно уловить черты его собственного “научного” мировоззрения. Они – в восторге перед наукой: “наука... движется вперед... Движение это просто потрясающее. Успехи науки...”.

Вера в прогресс человечества – это всё, что так называемое “научное” мировоззрение (не путать с наукой как методом познания!) может предложить взамен веры в Бога и в вечную жизнь с Ним. При этом как-то ускользает из внимания, что вера в бесконечный прогресс противоречит элементарным знаниям современной космологии, уже высчитавшей, сколько осталось светить солнцу и когда погибнет наша Вселенная, не говоря уже о неизбежной смерти каждого человека. Но “научному мировоззрению” всё нипочём, оно слепо верит в прогресс... Откуда эта псевдонаучная вера?

Здесь стоит обратиться к истории развития науки. Создавалась наука внутри христианской западноевропейской цивилизации верующими учёными, такими как Николай Коперник, Галилео Галилей, Френсис Бэкон, Рене Декарт, Исаак Ньютон... Затем в XVIII веке им на смену приходят деятели помельче, но зато сознательно противопоставляющие себя Церкви и христианству. Новая плеяда так или иначе связана с французскими энциклопедистами. Это – Лаплас, Кондорсе, Гассенди, Гельвеций, Гольбах, Дидро и др. Именно через них происходит разлом между христианской и “постхристианской” мировоззренческой парадигмой науки.

Одним из культурологических критериев здесь может служить как раз появление идеи прогресса, то есть бесконечного поступательного развития. Откуда она? Ведь она не могла быть взята из природы. В природе всё зарождается, развивается, затем ветшает и умирает. Из физического мира скорее можно почерпнуть идею циклического развития, чем прямолинейного. Мысль о прогрессе могло подать только единственное в своём роде явление – история человечества, то есть наблюдение над развитием социальных институций, культуры, техники,

отношения человека к природному миру.

Отцом этой идеи считается французский социолог и математик Мари Жан Кондорсе (1743–1794), который был секретарём Парижской Академии и участником движения “энциклопедистов”, написавшим для “Энциклопедии” более 50 биографий, в том числе биографию Вольтера. Совсем не удивительно также, что идея прогресса появилась лишь в конце XVIII века. Она в принципе не могла появиться раньше, чем развитие науки смогло принести заметные плоды.

Кондорсе занимали вопросы философии истории, и он успел написать свой знаменитый “Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума” прежде, чем был арестован якобинцами и принял яд в тюрьме, чтобы избежать публичной казни³. Труд был издан уже после его смерти в 1795 году. Любопытно, что советский материализм оценивал его как идеалистического мыслителя, то есть не признающего первичность материи над духом⁴. Действительно, Кондорсе был деистом и верил в Великого Архитектора вселенной. Всё, что он пытался вывести, это были законы развития духа, а не материи. Его прогресс был прогрессом сознания и разума человечества вполне в духе “идеалиста” Гегеля, тогда только что защитившего магистерскую диссертацию в немецком Тюбингене. Управляющие факторы, благодаря которым общество могло перейти от первобытного состояния к классовой стадии, он искал в развитии духа, а не производительных сил, как позже К. Маркс.

Так называемое “научное” мировоззрение – это не более чем необоснованная вера в бесконечный прогресс, своего рода религия без Бога. При этом важно то, что эта идеология напрямую вовсе не вытекает из научного метода. Вера в прогресс, основателем которой стал Кондорсе, возникла исключительно как философская концепция, как чистая идеология, наподобие веры в коммунизм. Вот она-то точно была опровергнута достижениями космологии XX в., ограничившими оставшееся время жизни нашей Вселенной двадцатью, а Солнца – пятью миллиардами лет⁵.

Как появился научный метод

Если вера в Бога опирается на религиозный опыт, в принципе доступный всякому, кто пожелает его приобрести, то идеология “научного прогресса” сегодня по-прежнему находит своё обоснование в научном методе. При этом из виду упущено то, что научная практика противоречит вере в бесконечный прогресс. Главное же упущение в том, что сам научный метод – это не какая-то объективная реальность, стоящая в ряду природных феноменов, а довольно случайное соединение элементов философского рационализма и эмпиризма, которое оформилось в XVII в.

Рационализм характеризовался верой в объективное существование мира смыслов, отдельного от мира вещей. В противоположность ему эмпиризм оперировал только вещественными реальностями мира. В результате их объединения и появился исследовательский метод современной науки. Здесь не обойтись без “ложки дёгтя”. Дело в том, что вновь возникшая научная парадигма мышления появилась не иначе как в результате уступки, которую строгий рационализм сделал идеологии вопреки формальной логике. И вовсе не удивительно, что в современном “научном мировоззрении” спрятано столько идеологических троянских коней!

Основателем современной науки считается английский философ Фрэнсис Бэкон (1551–1626), который объединил философский рационализм, опирающийся в познавательном процессе исключительно на логику, с примитивным эмпиризмом, “коллекционировавшим” наблюдения над природой. Так появилась новая парадигма мышления, называемая *научной*, которую характеризует особый познавательный инструмент – современный научный метод. Суть его в трёх основных этапах, которые последовательно проходит изучение природных явлений: сбор фактов; построение гипотетической модели; её экспериментальная проверка. Спустя столетие довершил создание научного метода соотечественник Бэкона Исаак Ньютон (1642–1727), который заменил рациональное проектирование гипотезы её математическим моделированием.

Итак, наука возникла тогда, когда в единый метод удалось объединить данные “опыта пяти чувств”⁶ и инструмент рационального моделирования реальности. До этого рассудочное конструирование могло быть сколь угодно развитым, но оно существовало отдельно от коллекции эмпирических фактов – в умах учёных эти два мира никак не

соприкасались. Чтобы появилась наука, требовалось убедиться, что эти две реальности действительно связаны между собой. Как ни странно, этому всегда противился именно здравый смысл!

Реальный мир, краски которого мы видим, звуки которого слышим, запахи обоняем... и интеллектуальные игры математиков, – что же здесь может быть общего? В самом деле, как поверить в то, что реальный мир на самом деле подчинён тем логическим и математическим закономерностям, которые мы выводим исключительно из своей головы? Мало ли какими могут быть законы нашего мышления! Мир – это же совсем другое. Почему мы должны считать, что материальный мир открыт для рассудочных умозаключений, что усилием рассудка мы оперируем не отображением вещей в нашей голове, а самими вещами?

Философия рациональна, математика тоже, а вот рационален ли наш эмпирический мир, живёт ли он по тем же самым логическим и математическим законам? До открытий Ньютона мало кто вообще об этом задумывался, а тем более мог ответить утвердительно. Какая связь может быть между реальными планетами, которые можно наблюдать собственными глазами, и алгебраическими функциями, выводимыми математиками исключительно в своём воображении? Тем не менее научный труд Исаака Ньютона, заложивший фундамент всей современной науки, именно так и назывался: “Математические начала натуральной философии” (1687).

Современная наука возникла тогда, когда натурфилософы поставили перед собой эти вопросы и превратились в естествоиспытателей. Они перестали искать “внутренний закон” реального мира в рационалистических конструкциях философии и обратились к самому миру. Измеряя его всевозможные параметры, они начали искать в них математические закономерности. В трёхкомпонентном научном методе (сбор данных, построение из них гипотетической модели, её экспериментальная проверка) модель реальности (рациональная, или математическая) была заключена внутрь эмпирической (опытной) рамки. Это значит, что рассудочной модели предшествует и её завершает – опыт. Предшествует ей сбор и систематизация эмпирических данных, заключает её проверка этой гипотетической модели опять-таки на опыте.

Ясно, что отцы научного метода в XVII веке не могли прийти к нему чисто рассудочным путем. Рациональная познаваемость мира не может быть обоснована рассудочно – убедиться в ней можно только на опыте. Но чтобы дозреть до проведения эксперимента, требуется если не вера в успех, то хотя бы простое предположение о результате, то есть требуется

предварительная гипотеза о рациональной структуре мира. Получается заколдованный круг: чтобы появилась идея открытости мира для рассудка, надо, чтобы она уже была. Разорвать этот порочный круг могло только основание, базирующееся вне рассудочной сферы. Только убежденность в познаваемости мира, происходящая не от разума, а из уже сложившегося мировоззрения, могла стать основой для возникновения современной науки (в реальности этим мировоззрением было христианство). То есть, чтобы смогло возникнуть научное мышление, потребовалась иррациональная вера в рациональную познаваемость мира!

Неверны также утверждения, что декарто-ньютонова модель мира – результат достижений чистой экспериментальной эмпирики. – К такому выводу, во всяком случае, пришёл авторитетный французский исследователь науки Александр Койре (середина XX в.). – Не опора на опыт, но принятие новой идеологии по вненаучным мотивам лежит в основании картины мира, победившей в умах учёных Нового времени, – считал он⁷. Это значит, что наука возникла с одной стороны по внерассудочным, с другой – по внеэмперическим каналам поиска. Она – плод определённой идеологической спекуляции.

Итак, если оценивать возникновение научного метода с позиций сегодняшней слепой веры в науку, то можно с удивлением обнаружить – наука зиждется на ненаучном основании! Это значит, синтез, в результате которого появилась наука, строго научно обосновать нельзя⁸.

А научна ли наука?

Объединить рационализм и эмпиризм в нечто органичное и целостное всё равно так и не удалось, как бы этого ни добивались теоретики научного метода. Оба рамочных сочленения, стыкующих опыт с рациональной гипотезой, оказались весьма уязвимыми для неумолимой логики здравого смысла, требующей безусловных доказательств.

Итак, первое сочленение опыта и теории в этом вновь выработанном научном методе. Здесь уместен вопрос, каким образом этап сбора опытных данных должен перерасти в этап построения теоретической модели?

Один из создателей эмпирической науки, Френсис Бэкон пытался найти ответ на него в применении метода индукции, то есть в простом перечислении собранных и упорядоченных фактов. Однако такого рода индукция далеко не всегда способна перерасти во второй этап – создание гипотезы. На это уже в XX веке обратил внимание соотечественник Бэкона Бертран Рассел (1872–1970), который был не только историком философии, но главным образом специалистом в логике. Чаще бывает наоборот, – подчёркивал он, – готовая гипотеза заставляет собирать факты и ставить эксперименты⁹. “Проблема индукции через простое перечисление, – пишет он, – остаётся неразрешимой по сей день”. Все правила индукции, то есть переход от частных деталей к обобщающей гипотезе, справедливы только при условии существования закона причинности. Но сам закон причинности должен допускаться только на основе индукции через простое перечисление. Логический круг замыкается. “Это положение глубоко неудовлетворительно, но ни Бэкон, ни кто другой из его последователей не нашёл выхода”¹⁰.

Закон причинно-следственных отношений не поддаётся рациональному объяснению и обоснованию. Он просто есть, вернее он дан! Как не вспомнить здесь парадокс, открытие которого приписывается А. Зиновьеву. Автор гротеска на советское общество “Зияющие высоты” Александр Зиновьев¹¹ ещё в конце сороковых годов XX в. обратил внимание на формулировку ленинского определения материи, самой фундаментальной категории диалектического материализма. Советский философский фольклор 50–70-х годов передавал сарказм Зиновьева над этим определением, которое построено так, что невольно хотелось добавить в него всего лишь одно слово. “Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана

человеку в ощущениях...”¹² – Богом, – добавлял Зиновьев это недоговорённое Лениным слово, – ...дана Богом. В самом деле, если исправить грамматическую неполноту этого определения, всё становится на свои места: материя... дана человеку Богом. Даже если очень хочется выразить идею первичности материи перед сознанием, язык не даёт соврать. Если материя есть, если она “дана”, то значит должен быть Тот, Кто её дал.

Но есть ещё второе сочленение рационального и эмпирического элементов в научном методе. Это – экспериментальное подтверждение гипотезы – то новое, что появилось в эпоху *науки*. Критерием истинного познания теперь приняты эксперимент и практика жизни. Но сколько раз надо повторить эксперимент, чтобы убедиться, что всегда будет один и тот же результат, – один, три, десять, сто раз? Не найдя прямого ответа, рациональная логика развивает теорию вероятности. Её основоположником признан французский учёный-энциклопедист Пьер Симон Лаплас, выпустивший в 1812 году фундаментальный труд “Аналитическая теория вероятностей”¹³, а через два года сопроводивший его ещё и популярным пересказом¹⁴. Однако теория вероятности в силах лишь уговорить научную “совесть”, но никак не способна дать стопроцентной уверенности в том, что гипотеза верна. Ни рационально, ни математически невозможно доказать, что однажды эксперимент не перестанет подтверждаться.

Эмпирическая наука базируется на законе причинности, существование которого не может быть доказано рациональной логикой, он постулируется на основании того, что он всегда и везде исполняется в природном мире, то есть эмпирически. Он – метафизический фундамент современной науки! Но его также признаёт и христианское мышление: если есть чудо, нарушающее природное течение жизни, значит, есть что нарушать, значит, есть жёсткий базис причинности. Нет чуда только в мифологическом магическом мышлении, там иррациональное непосредственно соседствует с рациональным, в любой момент может произойти что-то самое невероятное и это никого не удивит.

Изначально наука не претендовала на роль мировоззрения

В XVII веке философы и учёные, развивавшие современный научный метод, прекрасно сознавали его утилитарную ограниченность. Это – инструмент, наспех сколоченный из плохо подогнанных деталей: компонентов эмпирического и рационального мышления. Что делать, если лучшего нет, а для изучения мира требуется хоть какой-нибудь геологический молоток или анатомический ланцет. Когда создавалась рационально-эмпирическая наука, никому и в голову не могло прийти, что это кое-как на живую нитку сшитое лоскутное одеяло, не претерпев принципиальных изменений, когда-то само станет “научным мировоззрением”.

На что наука не претендовала и не могла претендовать, когда её основы закладывали Коперник, Галилей, Бэкон, Кеплер, Декарт, Ньютон, и др., так это на то, чтобы стать новым мировоззрением, конкурирующим с религиозным! Первые творцы научного метода прекрасно сознавали его эклектичность. Но если Ф. Бэкон, как пишет Бертран Рассел, мучительно искал рационального обоснования закона причинно-следственных отношений, то сам Рассел в XX веке уже обречённо констатирует, что его не существует¹⁵.

На пороге Нового времени учёные, ставшие революционерами научного мышления, не нуждались в каком-то особом “научном” мировоззрении. Учёные-новаторы от Коперника до Ньютона были глубоко укоренены в религиозном мироощущении, их мировоззрением было христианство. Декарт как христианин для построения своей системы вводил нелогичные для философа факторы о Боге, являющемся любовью¹⁶ (см. 1Ин 4:8). Даже связав протяжение с движением с помощью закона инерции, он всё равно для законченности теории нуждался в первоисточнике силы, – им для Декарта представлялся Бог¹⁷. В ньютоновской науке, по мысли Койре, также не человек, а Бог является мерой всех вещей¹⁸.

В своих “Математических началах...” Ньютон обосновывал идею бесконечного трёхмерного пространства. Только по отношению к самому пространству (а не к материальным телам) возможно абсолютное движение, протекающее также в абсолютном времени, никак не связанном с пространством. Физика инерционного движения, которую разрабатывал Ньютон, служила основным доказательством на опыте того, что это

трёхмерное пространство – однородно. Однако, как замечает А. Койре, эксперименты с измерением ускорения в XVII в. были слишком неточны, поэтому требовалась практически бесконечная их экстраполяция, чтобы на их основании сделать выводы, которые были сделаны. Более того, в полном и строгом смысле инерционное движение, как представляли его в XVII в., просто невозможно¹⁹. По сути дела Ньютон “подобрал” математическую формулу, которая связала движение тел, взаимно притягивающих друг друга, с их массой. Самое же удивительное было то, что формула тяготения Ньютона²⁰ вполне соответствовала наблюдениям Иоганна Кеплера (1571–1630), который на основании эмпирических наблюдений описал геометрические закономерности движения планет!

Как мы видим, в век рождения науки не она исчерпывающе объясняла мир, а ровно наоборот: и у Декарта, и у Ньютона прорехи в научных моделях мироздания заполнялись сверхъестественным Божественным участием. Правда, эти учёные по-разному понимали соотношение пространства вселенной с Богом. Так, Декарт мыслил пространство как некое тело, а Бога представлял вне природы, а Ньютон мыслил пространство как несотворённое “вместилище” мира и Бога²¹.

Борьба философии с наукой

Сегодня, когда научное мышление господствует уже больше трёхсот лет, нам трудно даже представить, что можно было мыслить как-то по-другому. Нам трудно оценить, насколько был силен стереотип всеподчиняющего тотального рационализма и каким пренебрежительным было отношение к опытному, эмпирическому знанию. К счастью (или к несчастью!) у нас перед глазами есть примеры, которые убедительно иллюстрируют тоталитарный рационализм в действии.

Бывшие советские люди слишком хорошо знают, как цепко рационализм может держать сознание людей. Спустя почти триста лет после возникновения эмпирической науки “единственно верная подлинно научная” марксистская теория всё ещё могла объявлять то генетику, то кибернетику вне закона как буржуазную лженауку. Остаётся только удивляться, как вообще могли быть преодолены “железобетонные” рационалистические стереотипы сознания и как ещё в XVII веке могло зародиться научное мышление.

Дело в том, что от Платона до Гегеля и классической немецкой философии рационализм всегда ощущался не просто как метод познания мира, а как самодостаточный мир *идей*, или мир *духа*. Этот мир идеальных конструкций рождался в воображении философов, а вовсе не вытекал из реального окружающего мира, и по сути не нуждался в нём. Поэтому, когда К. Маркс в гегелевской диалектике заменил дух на фейербаховскую²² *материю*, от этого мало что изменилось, поскольку его материя оставалась всё такой же абстрактной философской фикцией. От духа материя по определению должна бы отличаться своей неразумностью и несвободой, но вот беда: идеальное духовное начало во всех рационалистических системах также никогда не было по-настоящему свободным. Свободы же его лишал не кто иной, как сами создатели этих идеалистических систем, поскольку в противоположность Евангельскому *Дух дышит, где хочет (Ин 3:8)* они строго подчиняли развитие духа и всю его активность собственным рациональным схемам²³.

Поэтому и марксизм, и советский диамат были не более научны, чем гегельянство и даже платонизм, хотя в отличие от последнего они хронологически уже принадлежали к эпохе *науки*. И если и сейчас некоторые политики и историки продолжают недоумевать, как мог развалиться такой экономический и политический колосс, каким был Советский Союз, собравший вокруг себя “красную” половину мира, то,

значит, они уже забыли, что в любой диссертации по узкой тематике, например, в медицине или машиностроении тема начиналась цитированием классиков марксизма-ленинизма. Не на научном прагматизме, а на рационально-философских идеологемах были выстроены и экономика, и все государственные структуры, и вся жизнь в Советской России. Марксистскому рационализму была подчинена там и наука, и жизнь не меньше, чем Платон хотел подчинить граждан своего “идеального” государства диктату разума.

Наука и мифологические взгляды на мир

Научный метод, зародившийся в западноевропейской церковной среде, как считают некоторые исследователи, явился завершением той последовательной демифологизации отношения к окружающему миру, которая началась в Библии. Языческая космология всегда религиозно окрашена. В борьбе с ней христианство в конце концов выработало свой, радикально безрелигиозный, способ познания мира – науку²⁴. Можно соглашаться или не соглашаться с этим мнением о прямом генезисе науки из христианства, но ясно одно: христианство и наука – союзники в борьбе против мифологического мировоззрения.

Познание научное и познание религиозное не конкурируют между собой, поскольку обращены к разным сферам бытия. В этом отношении наука не может быть ни врагом, ни союзником христианства. Однако когда речь заходит о материальном физическом мире (и только о нём!), то научный метод познания не терпит рядом с собой никакие другие познавательные методы: ни эстетический, ни нравственный, ни религиозный. Современная наука даже согласна сделать предметом своего исследования сами эти познавательные методы, порождая такие новые отрасли, как искусствоведение, литературоведение, социологию, религиоведение. Но описание чисто физических явлений средствами поэзии, философии, или мифотворчества наука не может признать объективным и научным.

В первую очередь это относится, конечно, к мифу, который изначально и появился как донаучное объяснение окружающего мира. Дело в том, что в отличие от христианской доктрины, поэзии и морали, которые в реальности не претендуют на раскрытие сути физических явлений, подобные претензии мифов – это исторический факт. Более того, бурно развивавшаяся весь XX век глубинная психология показала, что мифологическое сознание, ориентированное на личностное восприятие, персонификацию реальностей и вещей окружающего мира, прирождённо человеку. С мифологическим мировосприятием человек рождается и живёт до тех пор, пока над ним не “поработает” школа рационального, или научного мышления. Но рудименты мифологического восприятия в разной степени у разных людей остаются и после “прививки” научной традицией.

Так, величайшим мифотворцем XX в. стал, например, Зигмунд Фрейд, создавший свою теорию психоанализа без обоснованной статистики и надёжной экспериментальной базы²⁵. Зато её венчает миф об эдиповом

комплексе, который, как и всякий миф, неотразимо действует на обывателя. Можно сказать, как иногда это делают современные исследователи, что Фрейд ещё до пробуждения в XX веке серьёзного научного интереса к изучению мифологии сам того не подозревая открыл природу мифологической деятельности²⁶. Правда, в отличие о древних мифологий, фрейдизм берётся за объяснение не чисто физических, а психических и личностных феноменов, перед которыми пасует позитивистская наука.

Первый проект демифологизации

Самым грандиозным проектом демифологизации, когда-либо предпринимавшимся в истории, диакон Андрей Кураев называет первую книгу Библии – книгу Бытия²⁷. Обобщая достижения современной ветхозаветной библеистики, истории и мифологии ближневосточных религий, египтологии, он рассматривает учение Библии о творении мира именно в том историческом контексте, в котором оно появилось. А появилось оно в ситуации сорокалетнего блуждания по пустыне целого, пусть даже по тем меркам ещё небольшого народа, о котором повествуется во второй книге Библии, книге Исход. Во всяком случае именно в этом полемическом контексте рассматривали библейское учение о творении мира такие авторитетные святые Отцы, как преподобный Ефрем Сирин²⁸, святитель Григорий Нисский²⁹, святитель Иоанн Златоуст³⁰. Именно они первыми указали на антиязыческую направленность Шестоднева Моисея.

У ветхозаветной библейской религии и христианства свои претензии к мифологии. Миф – главное препятствие для веры в Бога надприродного, сотворившего эти небо и землю и вообще всех и всё, что есть в мире. Дело в том, что в центре мифа всегда присутствует личность, действующая в определённой ситуации, какими бы личность и ситуация ни были фантастическими. Но это не Личность Бога, объёмлющего в Себе всё, а какие-то будоражающие сознание лица и личины, внушающие мистический страх, но сами также не свободные от страстей и страхов. Эти полубоги и божки не отпускают сознание, не дают человеку всецело раскрыться навстречу одному только Единому Богу. Чтобы в древнем Израиле обесцветились яркие краски бесконечных мифологических объяснений и страхов, понадобилось бегство из богатого изобильного Египта в безводную каменную пустыню, которое с точки зрения человеческой было безумной авантюрой.

Книгу Бытия действительно надо изучать в сравнении с мифологией древних хананеев (семитов, близких по языку к израильтянам), хеттов, финикийцев, египтян, вавилонян. Но здесь недостаточно находить только точки соприкосновения и сходные структуры мышления, как это делала школа религиоведения начала XX века. Здесь важнее другое, а именно, какие красочные подробности бесконечных объяснительных мифов, которые, между прочим, хорошо были известны израильтянам, жившим в тесном соприкосновении и религиозном общении с окружающими народами, демонстративно опущены в Библии. Важно, например, то, как

заниженно и буднично Моисей сообщает о появлении не только каких-то второстепенных творений, но также солнца и луны, которые во всех древних языческих мифологиях давали имена важнейшим богам пантеона. В пику им Моисей, не говоря “солнце” и “луна”, поскольку эти слова были уже отождествлены с именами языческих божеств, называет их обобщающим демифолгизирующим словом “светила” (Быт 1:14–18).

Моисей, к которому воззвал Бог и сказал: *Моисей! Моисей!* и который ответил Богу: *вот я!* (Исх 3:4), узнал Самого Бога, как одна личность узнаёт другую. Это личностное знание несопоставимо с познанием неодушевлённого мира, который не может ни вопрошать, ни отвечать человеку. Познание мира – это моделирование – логическое, мифологическое, математическое, или любое другое, – то есть создание рассудочной модели реальности. Познание другой личности – это встреча с ней, знание, не поддающееся никакой формализации. Представляли ли вообще для Моисея какую-либо ценность знания о мире, кроме знаний, непосредственно употребляемых на практике? Ведь этот мир сотворён Богом для человека и имеет инструментальное значение, а Сам Бог, Его расположение, Его Завет-союз неизмеримо важнее, выше и прекраснее того, что Он сотворил!

Шестоднев Моисея – это книга не о мире, а о Боге. Другое дело средства, с помощью которых Моисей достигает своей цели. Он отталкивается от тех мифологических представлений о мире и богах, которые уже были у израильтян, и полемизирует с ними. В языческих объяснительных мифах действительно логический центр рассказа – это не Бог и не боги, а мир: небо, земля, солнце, луна, звёзды, вода. Именно появление всего этого мифы пытаются объяснить. Поэтому пункт за пунктом Моисей противопоставляет им другое знание о Боге и мире. Здесь в центре всего сущего – Единый Всемогущий Бог, Который непринуждённо и с творческой радостью создаёт стихии мира. Между тем в соответствии с древними мифами языческие божки, чаще всего не по своей воле, а как-то случайно становились причиной появления то неба и земли, то воды, то огня...

Бог Израилев бесконечно выше того, какими представляли своих богов вавилоняне. В повествовании о Вавилонской башне, безусловно, идёт полемическая переключка с эпосом “Энума Элиш”, в котором говорится о башне «высотой с Апсу», то есть с бога неба ... Башня высотой с верховного вавилонского бога при всей её огромности для Ягве оказалась столь незначительна, что Ему пришлось “сойти”, чтобы её рассмотреть; здесь – элемент еврейской анти-вавилонской сатиры. Башня

“равна Апсу” – первобогу вавилонской теогонии – но Ягве неизмеримо выше»³¹.

С точки зрения сегодняшней библеистики даже сопоставление библейского Откровения с космогоническими моделями современной астрофизики просто бессмысленно. Библейский Шестоднев – это не учебник “божественной” физики, а как минимум – *метафизическое* описание бытия; это – богословие, а ещё точнее – Откровение Бога о Самом Себе. В отличие от атеистов православные богословы и религиозные философы XX в. в большинстве своём не усматривали никакой угрозы вере в Бога Творца со стороны эволюционной гипотезы³². Среди учёных, придерживающихся эволюционной теории, есть не только верующие христиане, но даже православные священнослужители³³. Учёному, будь он верующим или неверующим, не обойтись без моделирования природных процессов. В этом отношении эволюционная модель, как и другие научные концепции – вне идеологии. Идеология начинается тогда, когда верующие учёные прозревают в ней инструмент творческой воли Божией, в то время как неверующие, напротив, – доказательство того, что Бога нет.

В чём мы, верующие, сами виноваты

Здесь надо всё же признать, что мы, верующие, порой сами виноваты в том, что люди, со школы привыкшие доверять науке, скорее готовы принять атеистическое “научное” мировоззрение, чем христианство. Это происходит тогда, когда в борьбе с “научным атеизмом” заодно нами отвергаются и те модели и концепции, которые выстроены в рамках новоевропейского научного метода и сами по себе нейтральны в идеологическом отношении.

Речь здесь пойдет прежде всего о движении креационистов, которое возникло в 70-е годы XX столетия в Америке среди протестантских фундаменталистов³⁴. Вопреки всем научным теориям, креационисты настаивают на том, что библейские дни творения следует понимать буквально, то есть как 24 часа, а также что мир и всё живое в нём были сотворены Богом 7500 лет назад “в готовом виде” такими, какими мы их застали. Подобный подход к Библии действительно превращается в вычитывание из неё натурфилософского “откровения”. Любопытно, что здесь крайний буквализм креационистов даёт тот же результат, что и чрезмерное доверие науке либеральных богословов. В обоих прочтениях не Бог, а тварный мир становится главным предметом библейского Откровения.

Креационизм получил определённое распространение и в сегодняшнем русском Православии, хотя к официальным церковным печатным органам, таким, как ежегодник “Богословские труды”, который выпускается с 1961 года, допущены не креационисты, а православные эволюционисты³⁵. Так что выпад против Библии академика Гинзбурга на деле – это слабенький удар по горстке креационистов и их специфическому пониманию первых глав Библии.

Следует отметить, что появлению отечественного креационизма способствовал также авторитет известного православного американца, подвижника и писателя иеромонаха Серафима (Роуза). Даже он оказался во власти предубеждения, что атеистическое пятно с эволюционизма уже не смыть. Отец Серафим прямо признаётся, что когда-то всецело верил в эволюцию. «Верил не потому, что я очень много об этом думал, а просто потому, что “все в это верят”, потому что это “факт”, а как можно отвергать “факты”?»³⁶.

Поэтому, вступив в полемику с греческим православным богословом эволюционистом Александром Каломиросом, иеромонах Серафим,

собственно, не скрывает, что ведёт борьбу не с той “эволюцией”, какую имел в виду его оппонент, а со своим собственным прошлым. «Вы говорите, – пишет он, – все мы пришли в бытие посредством эволюции во времени. Во чреве матери каждый из нас был сначала одноклеточным организмом ... и наконец сформировавшимся человеком. Конечно, все так считают, будь то “эволюционисты” или “анти-эволюционисты”. Но это ничего общего не имеет с учением об эволюции, о котором идёт спор»³⁷.

Отец Серафим прекрасно понимает, что «многие споры между “эволюционистами” и “анти-эволюционистами” бесполезны по одной основной причине: они обычно говорят о разных вещах. Каждый из них подразумевает что-то одно, когда слышит слово “эволюция”, другой же нечто другое; и они спорят впустую, так как понимают не одно и то же»³⁸. Тем не менее со своей стороны он признаёт только один-единственный вариант “современной теории эволюции” – атеистический³⁹. И чтобы избежать двусмысленности, ещё уточняет, что под словом “эволюция” он понимает то определение, которое есть во всех учебниках по эволюции⁴⁰.

Понятно, что здесь отец Серафим (Роуз) ведёт речь не о науке как методе, а о “научной”, то есть атеистической идеологии. Он сам пишет, что пришёл к следующим выводам: «а) Эволюция – совсем не “научный факт”, а философия, б) это ложная философия, изобретённая на Западе в качестве реакции на католическо-протестантскую теологию и замаскированная под “науку”, чтобы вызывать к себе уважение и обманывать людей, которые согласны принять научный факт...»⁴¹. То есть под философией он понимает здесь атеистическую идеологию, которая своё отрицание бытия Божия подкрепляет идеей самовозникновения вселенной и жизни на Земле с последующим их эволюционным развитием.

В утверждении, что эволюция – это не “научный факт, а философия”, всё же не стоило пропускать очень важное логическое звено: эволюция сначала была и остаётся научной гипотезой, а уже потом (и вовсе не обязательно!) может сделаться атеистической философией. Не мешает здесь вспомнить, что идея эволюции бытовала в науке и до Дарвина, он лишь подыскал эволюционный “механизм”, подходящий для идеи саморазвития – естественный отбор взамен ламарковскому упражнению органов. С появлением современной генетики взгляд на естественный отбор существенно изменился. Тем не менее и среди сегодняшних генетиков есть православные эволюционисты, которые исследуют возможность генетических мутаций, способных приводить не к постепенным, а к скачкообразным появлениям новых видов. При этом

свою работу они расценивают как волнующее прикосновение к Мудрости Творца, а не как разработку новых аргументов для атеистической пропаганды.

Остаётся только задаваться вопросом, почему столь проницательный знаток и критик западной культуры, каким был иеромонах Серафим (Роуз), так легко смешивает понятия науки и мировоззрения. Может быть, разгадка в том, что полемический диалог он ведёт с богословом, а не с естествоиспытателем. Богослов, мог полагать он, рассматривает эволюцию на философско-мировоззренческом уровне, а здесь понятие эволюции уже зарезервировано продолжателями дарвинизма: христиане уже не могут использовать понятие, на котором атеисты поставили свой copyright.

Чему учит “советская” школа апологии веры

На родине иеромонаха Серафима (Роуза) мы действительно видим полное господство позитивизма, и верующим биологам остаётся идти только в креационисты. Диакон Андрей Кураев объясняет этот факт доктринальными особенностями протестантизма, его краеугольным камнем “спасения только верою”. Если протестантизм отказывает человеку в способности к сотрудничеству, к синергии с Богом в деле своего спасения, то тем более не может допустить, что неразумная природа содержит в себе внутренние потенции к развитию⁴². (Хотя в последние годы в Америке и в протестантской среде стали появляться объединения христиан-эволюционистов в противовес организациям креационистов⁴³.)

По-видимому, из-за этого отец Серафим даже не допускал мысли, что православные эволюционисты могут быть не философами, а самыми настоящими “практикующими” учёными биологами, физиками, геологами. Совсем по-иному складывалось отношение к эволюционным идеям среди христиан “Старого Света”. Достаточно упомянуть известного католического учёного Тейяра де Шардена (не затрагивая его богословских взглядов, сомнительных для самих католиков) или ситуацию, которая сложилась в Советском Союзе, некогда возглавлявшем “второй мир”, где был накоплен научный потенциал, вполне сопоставимый с американско-европейским. Когда здесь вообще стало возможным обнаружить свою православную веру, немало учёных провозгласили себя именно православными эволюционистами, а не креационистами. Один из самых ярких примеров – доктор геологии, профессор протоиерей Глеб Каледа⁴⁴ (†1994).

В то время, когда иеромонах Серафим ещё только писал вышеприведённые строки, в Советском Союзе любой семинарист твёрдо-натвердо усваивал, что наука не может “доказать, что Бога нет”, что наука, которую воинствующий атеизм пытался объявить своим союзником, нейтральна в мировоззренческом отношении. В России при коммунистах вопрос о том, где кончается идеология и начинается наука, был вопросом выживания религиозной веры. В ответ на грубую атеистическую пропаганду следовало тихое, но твёрдое возражение: простите, а какая именно наука доказала, что Бога нет? Физика, биология, геология? Наука не имеет инструмента для анализа реальностей, выходящих за пределы физической материи. Наука не может ни отрицать, ни подтвердить бытие

Божие. Это дело идеологии, опирающейся не на научный, а на внутренний личный опыт.

Но и через два десятка лет после политического фиаско коммунистической идеологии питать иллюзии о победе над прошлым опасно. Марксизм в России всего лишь дошёл до логического предела, до абсурда западноевропейский либерализм, показал, куда он приведёт, если получит “карт-бланш”. При этом атеистическая идеология профанировала самоё себя, поскольку грубая борьба с религией неизбежно активизировала философскую полемику и выработку апологетической аргументации. Но западный антихристианский гуманизм, породивший русскую революцию, никуда не исчез с лица земли. Да и повадки у него прежние – он по-прежнему прикрывается наукой как главной “общечеловеческой” ценностью и всё так же ловко “передёргивает карты”, убеждая обывателя, что наука – атеистична, а религия – ненаучна.

Отделение идеологического аспекта от научной картины мира в советские времена было первым, с чего начиналась всякая апология религиозной веры. Поэтому православных богословов, прошедших суровую “советскую” школу, не может не удивлять то, что американская традиция апологетики даже не замечает, что в эволюционизме помимо идеологического (а именно атеистического) компонента есть ещё чисто научный. Можно констатировать, что здесь мы мудрее, чем западные христиане, потому что выстрадали свой опыт развенчания “научного” мировоззрения. Другое дело, сумеем ли мы воспользоваться этим своим опытом, или опять отвергнем собственную зрелость ради американского инфантилизма?

Приготовительный класс веры

И всё же после Библии первым мощным и стопроцентно независимым от неё движением демифологизации была не наука, а рациональная философия. Как констатируют историки, примерно за семь веков до христианской эры в Древней Греции на смену эпохи *мифа* приходит эпоха *логоса*. *Логос* переводится и как “слово”, и как “смысл”; логика стала главным инструментом философии, как позже математика – главным инструментом науки. Независимо от направлений, философия видит свою основную задачу в познании внутренней сути вещей. И осуществляет её она, опираясь на законы мышления и диалектику, черпая в них и опыт, и практику.

Христианство практически сразу распознано в античной философии своего союзника в борьбе с магическим язычеством. Уже в третьем поколении первохристиан благодаря апологетам II-III веков был воцерковлён философский метод рационального логического моделирования. А в IV в. Отцы-каппадокийцы не только используют логико-философские категории для максимально точного выражения богословских идей Откровения, но создают такие принципиально новые для античности категории, как понятие личности в тринитарном учении. Новоевропейская наука, собственно, и стала завершением великого философско-богословского синтеза, каким была западноевропейская средневековая схоластика.

В отличие от этого мы живём в эпоху, когда уже двести лет идёт дехристианизация европейской цивилизации. Казалось бы, вместе с упрочением “научной” идеологии, замещающей собой христианское сознание, позиции науки должны усиливаться. Но вместо этого мы видим триумфальное возвращение мифологии. Область фрейдизма и терапевтической психопрактики – это ещё рафинированная мифология по сравнению с самым настоящим разгулом язычества и оккультизма сегодня.

А начиналась всё ещё в середине XIX века безмятежным миром книг Жюль Верна, в котором нет места даже намеку на какую-либо мистику или религиозность. Благородным рыцарям науки там были чужды слабость духа или нравственные колебания... Когда же в 80–90-х годах XX в. фантастика из литературы перекочевала на экраны кино и видео, она уже была не той. Она стала фантастикой мистических ужасов, теперь она на полном серьёзе убеждала, правда, уже в основном не читателя, а зрителя, в реальности явлений, которые испокон веков именовались

“потусторонними”. Широкая обывательская масса легко признала право на существование за иррациональным опытом, но в подавляющем большинстве случаев это – демоническая мистика, хотя и подаётся она в СМИ как единственно возможный потусторонний опыт.

Причём “для интеллигенции сатанизм”⁴⁵ выдуман свой, особый. Он – в тео- антропософии Е. Блаватской, Рерихов, коррекции кармы, чистке чакр, экзотичных восточных учениях и тоталитарных культах; наконец, в сатанизме как таковом. Для не-интеллигенции – сатанизм другой. Он в повальном страхе “порчи”, бесчисленных красочных объявлениях ведьм и знахарей о приворотах и отворотах, предсказаниях, в кинематографической продукции типа “Дозоров”, так что многие, придя первый раз в церковь с просьбой помолиться о близких, по привычке приносят их фотографии... Для всех он – в гороскопах, подаваемых СМИ как правительственные сообщения.

Поэтому именно к одному из главных ньюсмейкеров страны в отчаянии обращается один из архиереев Русской Православной Церкви: «Появление пресловутого лжехриста Григория Грабового многих заставило задаться вопросом, как такому могли поверить тысячи людей?! Только удивляться нечему. Почти два десятилетия СМИ формируется питательная субкультура, благодаря которой лжехристы почти мгновенно получают тысячи и тысячи обезумевших последователей. Почти два десятилетия СМИ рассказывают россиянам об астрологии, хиромантии, нумерологии, магии, гаданиях, йоге, чакрах, реинкарнации, биополях, аурах, инопланетянах, “учителях” космоса и т. п.»⁴⁶.

Горечь архиепископа Уфимского и Стерлитамакского Никона полностью разделяет академик Белорусской АН Анатолий Рубинов (кстати, атеист): «По телевидению и в прессе ... на полном серьёзе обсуждаются колдовство, предсказания, инопланетяне и т. п. При этом проводятся диспуты с участием “специалистов” по магии и колдовству, представителей разного рода “неформальных наук”. Образовалось множество академий и научных обществ, которые обрели полную свободу проповедовать и внедрять в сознание людей любые фантастические воззрения, никак не соотносясь с выработанными наукой принципами и установленными законами. Так называемое паранормальное знание, в основе которого лежит воинствующее невежество, развернулось во всю ширь»⁴⁷.

Правда, белорусский академик, наверное, забыл, что даже коммунистическая пропаганда через центральное советское телевидение в течение десятков лет уверяло, что “невероятное” может быть

“очевидным”. В последней четверти XX века как бы в отместку за предыдущие двести лет господства рационалистического “Просвещения” и науки весь мир охватила эпидемия болезни, которую в средние века называли не иначе как дремучим суеверием. Если прежде не знающее Бога сознание неистово сопротивлялось всякой метафизике, то теперь оно получило полную “индугенцию” на мистику, магию и оккультизм. Видимо, материализм, как шекспировский мавр, “сделал своё дело” и теперь может уходить за кулисы истории.

В этой атмосфере вполне булгаковского шабаша ведьм кто кроме академиков прольёт хоть одну слезу об обесцененном научном методе, который когда-то считался инструментом истины, пусть и относительной? Да и идеологию прогресса, в которой ещё присутствовал компонент бескорыстного служения, сегодня затмила совсем другая идеология: “возьми от жизни всё!”. Только вера и Церковь сегодня по-прежнему заинтересованы в научном методе как начальной школе трезвости. Уж это-то должны, наконец, понять академики, если им действительно дорога научная традиция!

Христианство ценит научную традицию ещё более, чем традицию рациональной философии, некогда принятой им в “служанки богословия”. И именно научный картезианский скепсис и верификацию любого познания опытом особо ценит в ней христианская аскетика. Философский метод ещё не включает в себе таких проверочных ограничений, какие являются обязательным компонентом научного метода. “Философствование” может увести очень далеко от реальности, в то время как тот, кто прошёл научную школу, получил определённый иммунитет против “пустых мечтаний”. Это полностью совпадает с православным отношением к духовному и мистическому опыту. Только верифицируется он не повторением эксперимента, а проверкой его на соответствие евхаристическому опыту Церкви.

Примечания

¹ - www.svobodanews.ru/Article/2007/07/24/20070724151039260.html.

² - Там же.

³ - Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964. С. 43.

⁴ - Там же.

⁵ - Об этом сегодня учёные пишут даже в детских книжках! В частности, такие данные даёт известный немецкий физик и популяризатор науки Хейнц Хабер. Его книга “Звёзды”, вышедшая в авторитетной Нюрнбергской серии Was ist was? (букв. ‘Что есть что?’ по аналогии с международным биографическим справочником Who is who? ‘Кто есть кто?’ – Ред.), выдержала много переизданий и в том числе – на русском языке: Хейнц Хабер. Звёзды. Серия “Что есть что?”. Изд-во: Slovo/Слово. Б. м., б. д. С. 24. Немецкий оригинал: Heinz Haber. Die Sterne. Reihe “Was ist was?”. Bd. 6. Nurnberg, 1962/1982.

⁶ - Одним из основателей эмпирической науки был сенсуалист Джон Локк (1632–1704).

⁷ - Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985. С. 19.

⁸ - Об этом, в частности, моя статья: Наука и истоки “научной веры” // Альфа и Омега. 1999. № 3(21). С. 299–323.

⁹ - Рассел Б. История западной философии. Кн. 3. Философия Нового времени. Новосибирск, 1994. С. 56.

¹⁰ - Там же.

¹¹ - Зиновьев в начале 50-х был одним из основателей Московского логического кружка, который позже стал называться методологическим кружком, и в него также входили М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкий и другие корифеи советской логической науки и философии. За свой диссидентский роман, открывший новый литературный жанр социологической повести, Зиновьев в 1978 году был выдворен из Советского Союза. Умер он в 2006 году и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

¹² - Ленин В. И. Соч. Т. 14. С. 117.

¹³ - См.: Theorie analytique des probabilités. 1914; Переиздано: Brussel, 1967.

¹⁴ - Essai philosophique sur les probabilités (Опыт философии теории вероятностей), 1814; Переиздано: Brussel, 1967. Подробнее см., напр.:

www.reshebnik.ru/history/07/02».

¹⁵ - Рассел Б. История западной философии. Кн. 3. С. 56.

¹⁶ - Диакон Андрей Кураев. Церковь и рождение научной традиции // Традиция. Догмат. Обряд. Апологетические очерки. М.-Клин, 1995. С. 339.

¹⁷ - Гайденко П. П. Христианство и генезис новоевропейского естествознания // Философско-религиозные истоки науки. М., 1997. С. 68.

¹⁸ - Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985. С. 21.

¹⁹ - Койре А. Очерки истории философской мысли. С. 19.

²⁰ - Согласно Второму закону Ньютона, сила притяжения пропорциональна массам взаимодействующих тел и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними.

²¹ - Гайденко П. П. Христианство и генезис новоевропейского естествознания. С. 73–74.

²² - Немецкий философ Людвиг Андреас Фейербах (1804–1872).

²³ - Пожалуй, первой философией, порождённой уже научным мировоззрением, которая противопоставила себя рационализму, помимо идей С. Кьеркегора, критиковавшего Гегеля за панлогизм, стали феноменология Гуссерля и экзистенциализм.

²⁴ - Диакон Андрей Кураев. Церковь и рождение научной традиции.

²⁵ - Более подробно в моих статьях: Христианская аскетика и психоанализ // Альфа и Омега. 1998. № 1(16). С. 248–275; Отец психоанализа против святых отцов // Православная Беседа. 1998. № 4. С. 37–41; Фрейдистские мифы в свете восточной патристики // Православная Беседа. 1998. № 5. С. 40–44.

²⁶ - Автономова Наталья. Миф: хаос и логос. // scepis.ru/library/id_165.html#_edn3.

²⁷ - Диакон Андрей Кураев. Полемичность Шестоднева // Альфа и Омега. 1999. № 1(12).

²⁸ - “Потомки Авраамовы со времени переселения в Египет начали, подобно целому миру, терять ведение о Боге, удалялись от добрых законов, запечатлённых в природе; сотворённое из ничего стали почитать вечным; тварей, недавно получивших бытие, именовать Богом. Потому-то Бог восхотел через Моисея научить истине заблуждающихся современников его, чтобы на все века не распростерлось зло, перешедшее к ним по преданию”. – Свт. Ефрем Сирийский. Толкование на Первую книгу Моисея Бытие // Творения. Т. 5. Репр. М., 1995. С. 205.

²⁹ - “Моисей везде обезопасивает наш ум, чтобы ни одного из

существ не представлял себе состоявшимся без Бога, но удивление каждому из сотворённых существ возводило его к Сотворшему”. – Свт. Григорий Нисский. О Шестодневе // Творения. Ч. 1. М., 1861. С. 30.

³⁰ - “Подойдёт ли к тебе Манихей, утверждающий, что прежде существовала материя, или Маркион, или Валентин, или кто из язычников, говори им: в начале сотвори Бог небо и землю”. – Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Книгу Бытия. Беседа II // Творения. Т. 4. СПб., 1898. С. 11.

³¹ - Диакон Андрей Кураев. Полемичность Шестоднева. С 268–269.

³² - Среди богословов, готовых согласиться с эволюционной гипотезой: участник Поместного Собора 1917–1918 гг. проф. Н. Н. Фиолетов, известный богослов и историк русской философии, профессор Свято-Владимирской Семинарии в Нью-Йорке протоиерей Василий Зеньковский, профессор И. М. Андреев (Русская Зарубежная Церковь), профессор Санкт-Петербургской Духовной академии архиепископ Михаил (Мудьюгин), профессор Московской Духовной академии А. И. Осипов, один из ведущих авторов “Журнала Московской Патриархии” 60–70-х годов протоиерей Николай Иванов, сербский богослов профессор Лазарь Милин, крупный румынский богослов священник Думитру Станилое, известный церковный публицист епископ Василий (Родзянко), религиозные философы В. С. Соловьёв и В. Н. Ильин. – Приводится по публикации: Диакон Андрей Кураев. Может ли православный быть эволюционистом? – kuraev.ru/index.php?option=com_contenttaskviewid47.

³³ - Например, протоиерей Глеб Каледа, протоиерей Стефан Ляшевский, диакон Сергий Соколов и др.

³⁴ - См., например: Диакон Андрей Кураев. Может ли православный быть эволюционистом?; Священник Леонид Цыпин. Так чем же являются Дни Творения. Центральная проблема экзегетики Шестоднева. Киев, 2005. С. 50.

³⁵ - См. Диакон Сергий Соколов. Эволюция и креационизм // Богословские труды. Сб. 40. М., 2005. С. 355–367.

³⁶ - Иеромонах Серафим (Роуз). Православный взгляд на эволюцию // Приношение православного американца. М., 1998. С. 459.

³⁷ - Там же. С. 460.

³⁸ - Там же. С. 459.

³⁹ - «Современная теория эволюции ... была изобретена неверами, желавшими отрицать Божие действие в творении и объяснять творение одними “естественными” причинами. Разве Вы не видите, что за

философия стоит за эволюционной теорией?». – Там же. С. 471.

⁴⁰ - Там же.

⁴¹ - Там же. С. 459.

⁴² - См. Диакон Андрей Кураев. Может ли православный быть эволюционистом?

⁴³ - См. Борисов М. Христианство и эволюция // grani.ru/Society/Science/p.118025.html.

⁴⁴ - См., например, Протоиерей Глеб Каледа. Библия и наука о сотворении мира: опыт естественно-научного истолкования книги Бытия // Альфа и Омега. 1996. № 2/3 (9/10). С. 16–28; 1997. № 2(13). С. 34–52.

⁴⁵ - Диакон Андрей Кураев. Сатанизм для интеллигенции. О Рерихах и Православии. М., 2007.

⁴⁶ - Из письма архиепископа Никона генеральному директору Первого канала К. Л. Эрнсту // sektoved.ru/news.php?art_id88.

⁴⁷ - Анатолий Рубинов, академик. Наука и общество // Советская Белоруссия № 233 (22643), Вторник 12 декабря 2006 года – www.sb.by/article.php?articleID55642.

Содержание

Наука: враг или друг веры? протоиерей Михаил Дронов	1
Что противостоит вере и что противостоит науке?	2
Где кончается наука и начинается идеология прогресса?	4
Как появился научный метод	6
А научна ли наука?	9
Изначально наука не претендовала на роль мировоззрения	11
Борьба философии с наукой	13
Наука и мифологические взгляды на мир	15
Первый проект демифологизации	17
В чём мы, верующие, сами виноваты	20
Чему учит “советская” школа апологии веры	23
Приготовительный класс веры	25
Примечания	28